

В. Г. Белинский

**Сто русских литераторов.
Том второй**

Виссарион Григорьевич Белинский

Сто русских литераторов. Том второй

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2778475*

Аннотация

Тезис «у нас нет литературы», с которым В.Г. Белинский выступил еще в «Литературных мечтаниях» и который был подробно развит в статье «Русская литература в 1840 году», обосновывается в данной статье на материале второго тома альманаха А. Ф. Смирдина. Резкий отзыв о рецензируемом издании – оно, пишет Белинский, убеждает лишь «в существовании... русских типографий» – связан со стремлением расчистить литературную почву от псевдохудожественных наслоений.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Виссарион Григорьевич Белинский Сто русских литераторов. Том второй

Издание книгопродавца А. Смирдина. Том второй. Булгарин. Вельтман. Вережкин. Загоскин. Каменский. Крылов. Масальский. Надеждин. Панаев. Шишков. Санкт-Петербург. 1841.

Наконец, после долгих ожиданий, из темной и таинственной области великих замыслов и предприятий появился на свет божий второй том «Ста русских литераторов»!..^[1] Важное и торжественное событие для русской литературы!.. Среди микроскопических явлений книжного мира в настоящее время, когда романы, вместо прежних заветных четырех частей, обыкновенно являются в двух тоненьких книжечках, разгонисто напечатанных, или, отчаявшись найти себе читателей, растягиваются на страницах пяти-шести книжек иного объемистого журнала, – теперь книга «Сто русских литераторов» – это настоящий слон, тяжело и величаво шагающий между кротами и кузнечиками в пустыне русской лите-

^[1] Первый том «Ста русских литераторов» вышел в 1839 г.; рецензию Белинского на этот том см.: наст. изд., т. 2, с. 399–406.

ратуры, поросшей глухою травой. Второй том «Ста русских литераторов» – явление великое по толщине и не менее великое по своему значению: оно отмечено перстом судьбы и предназначено к решению великой задачи. Это особенно доказывается его несвоевременным, столь поздним появлением в свет. Явись он в свое время, когда был обещан публике издателем, то есть с небольшим год назад, – и его значение, его смысл навсегда были бы утрачены для публики: публика, после нескольких неудачных попыток дочесть – не говорим, эту толстую книгу, но хоть что-нибудь в ней, – выронила бы ее из рук. Но теперь другое дело: теперь эта книга явилась в самую пору, чтоб окончательно решить самый современный, самый свежий вопрос – вопрос о существовании русской литературы... Для тех, кому слова наши показались бы загадочными, мы должны заметить мимоходом, что в последнее время снова возникли сомнения в существовании русской литературы^{2}. Скептицизм так далеко зашел, что некоторые дерзкие умы признают истинными и великими талантами только Пушкина да еще трех-четырех человек, из которых один явился задолго до Пушкина, другой при начале, третий при конце, а четвертый после его жизни;^{3} всё же прочее считают более или менее удачными стремлениями

{2} Критик подразумевает собственные выступления.

{3} Критик – опять-таки – имеет в виду самого себя; четыре писателя, обладающие «истинными» талантами, – вероятнее всего, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин, Н. В. Гоголь и М. Ю. Лермонтов.

и порываниями к поэзии, – но по большей части пустоцветами словесного мира. Но и подобное мнение, как ни отважно оно, куда бы еще ни шло; хуже всего то, что и на таланты, которые они сами признают за истинные и великие, эти раскольники смотрят как на явления общечеловеческие... Хотя мы с ними и нисколько не согласны, но, признаемся, их возражения не раз приводили нас в смущение и заставляли задумываться. «Посмотрите, – говорили они нам, – посмотрите на эти петербургские сады и острова – ведь это деревья, и еще с листьями, а это розы, и еще в полном цвету, а все-таки они отнюдь не доказывают, чтоб теперь в Петербурге была весна или лето». Так как, читатели, мы решительно не верим существованию не только весны или лета, но даже и зимы в Петербурге, но круглый год видим в нем одну продолжительную, мрачную, холодную, сырую, грязную и нездоровую осень, – то это доказательство скептиков, против воли нашей, имело для нас свою сторону очевидности. В самом деле, если деревья, без весны и лета, но в осеннюю слякоть могут одеваться зеленью, а розы распускаться пышным цветом, – то почему же иному языку не гордиться несколькими великими созданиями поэзии, в то же время совсем не имея литературы?.. Конечно, сравнение не всегда доказательство, и все это, может быть, только парадокс, но парадокс, надо сознаться, очень ловкий, так что его легко принять и за истину. Но теперь вопрос этот решается просто и удовлетворительно: второй том «Ста русских литераторов» неоспоримо убе-

дит всякого в существовании... русских типографий... русской литературы, хотели мы сказать...^[4]

В самом деле, подумайте о деле посерьезнее, поосновательнее, и ваш скептицизм исчезнет перед толстою книжищею «Ста», как исчезает туман перед восходом солнечным. *Сто литераторов*, сто современных, живых еще (т. е. здравствующих) литераторов, – шутка ли это!.. Двадцать из них уже предстали пред российскую публику^[5], каждый с повестью или каким-нибудь рассказом, а при них с картинкою, портретом собственной особы и еще с факсимилем, – так что, по остроумному выражению одного из двадцати, публика может видеть и голову «сочинителя», и то, что есть лучшего в ней, то есть «мозги», как остроумно выражается тот же «один из двадцати»^[6]. Говорят, что по почерку можно заключать о характере человека: следовательно, в отношении к писателям, публика и с этой стороны удовлетворена толстым альманахом г. Смирдина: по собственноручной подписи своих знаменитых имен гг. Зотовым, Масальским и Веревкиным она может судить и о личных характерах сих знатных «сочинителей». Итак, посмотрите, какая богатая литература:

^[4] «Остраненная» характеристика собственных взглядов соответствует ироническому контексту всего абзаца.

^[5] Десять литераторов, которые были представлены в первом томе «Ста русских литераторов», – Александров, Бестужев (Марлинский), Давыдов, Зотов, Кукольник, Полевой, Пушкин, Свиньин, Сенковский, Шаховской.

^[6] Имеется в виду помещенная в первом томе альманаха повесть О. И. Сенковского «Превращение голов в книги и книг в головы» (1839).

вот уже ничего не видя – двадцать литераторов услаждают наш вкус и зрение своими произведениями и своими портретами, и мы готовимся увидеться еще с целыми восемьюдесятью персонами в этом роде.

Правда, из двадцати, представленных публике добродушным усердием г. Смирдина, шестерых уже нет на свете^[7], а несколько из умерших и из живых совершенно неизвестны публике своими литературными заслугами; но что до первых, они умерли недавно, и из них только Пушкин не дождался радости увидеть себя рядышком с Рафаилом Михайловичем Зотовым; а что до вторых, – если они не написали до сих пор ничего порядочного и заслуживающего хоть какого-нибудь внимания со стороны публики к их портретам и факсимилиям, то они еще напишут; следовательно, это не важное обстоятельство. Разумеется, те из них, которые умерли, не успевши написать ничего такого, что могло бы дать им право на звание литераторов и сделать интересными их портреты, как, например, г. Веревкин, – уже ничего и не напишут; но в этом виноваты не они, а ранняя смерть их, не давшая времени развернуться их талантам, которых существование, вероятно, не без основания предполагалось г. Смирдиным – сим тонким знатоком и ценителем талантов. Итак, двадцать уже представлены, и восемьдесят литераторов в непродолжительном времени имеют быть представ-

[7] Критик имеет в виду Пушкина, Бестужева-Марлинского, Давыдова, Свинына, Веревкина и Шишкова.

лены российской публике – самой добрейшей, самой расположенной ко всему печатному (особенно с картинками) из всех бывших, сущих и будущих публик. И это всё живых, с немногим только числом, и то недавно, так сказать, на днях умерших литераторов; но тут нет и не будет ни Ломоносова, ни Сумарокова, ни Державина, ни Хераскова, ни Петрова, ни даже Батюшкова, Грибоедова, Веневитинова и других, умерших ранее 1837 года. И потому, не считая их – целых сто литераторов, наших современников, литераторов настоящего времени, настоящего мгновения: какое богатство, какое обилие! Да это хоть бы Англии, хоть бы Франции, хоть бы Германии!.. «Да откуда же их набралось столько, откуда возьмут других?» – восклицает пораженная недоумением и радостью публика. Как откуда? – Вольно ж вам не знать русской литературы, не следить за ее ходом, развитием, успехами, не затвердить имен ее неутомимых деятелей, ее благородных представителей... «Но, – говорите вы, – Пушкин уже был, Крылов тоже явился; следовательно, остаются только Жуковский, Одоевский, Лажечников, Гоголь, Лермонтов, да разве еще двое-трое – и все тут». Во-первых, из всех этих, может быть, вы ни одного и не увидите: мы не утверждаем этого наверное, но предполагаем не без основания; а во-вторых, эти все отнюдь не все, и, кроме их, можно легко набрать не только сто, но, с маленькою натяжкой, и целых двести. Вот несколько знаменитых имен на выдержку, для примера: г. Воскресенский, автор многих превосходных романов,

московский Зотов; г. Славин, что прежде был г. Протопопов и г. Пртррррррррррррррр – московский Тальма, Кин, актер и сочинитель; г. Межевич, наш русский Жюль Жанен, он же и г. Л. Л.; гг. Ленский и Коровкин – достойные соперники Скриба; г. Марков, удачный подражатель самой занимательной части романов Поль де Кока, – сочинитель, талант которого до того преисполнен комического элемента, что сумел до слез насмешить публику даже Александром Македонским^[8] – предметом несколько не смешным; г. Губер (по словам знаменитой афиши, изданной покойным Воейковым)^[9], не побоявшийся «побороться с великаном германской литературы и победивший его на смерть, так что «Фауста» можно считать на Руси решительно умершим; барон Розен, создавший русскую национальную драму;^[10] г. Тимофеев, наследник та-

[8] Рецензируя «историческое представление» М. Маркова «Александр Македонский», критик писал, что в нем «нет никакого содержания, а есть, вместо его, какая-то путаница, составленная из *пашей* Александра Македонского и *турецких барабанов* в оркестре его *македонской* фаланги...» (Белинский, АН СССР, т. IV, с. 475).

[9] Э. И. Губеру принадлежит первый русский перевод первой части «Фауста» на русский язык (1838 г.). В целом работа Губера получила доброжелательные отзывы критиков и читателей (см., например, письмо А. И. Герцена Н. А. Захарьиной от 26 февраля – 1 марта 1838 г. Герцен, т. XXI, с. 306); Белинский же отрицательно относился к этому переводу. «Афиша» А. Ф. Воейкова – объявление об издании им «Сборника на 1838 год...», где публиковались отрывки из перевода Губера.

[10] Е. Ф. Розен, входивший в литературное окружение Пушкина, являлся автором исторических драм «Осада Пскова» (1834), «Петр Басманов» (1835) и др., невысоко оценивавшихся критиком.

ланта и славы Пушкина, как очень остроумно было объявлено в журнале, обильно наполнявшемся «мистериями» г. Тимофеева;^{11} князь Мышицкий, автор волканического и вместе водяного, то есть морского романа «Сицкий»;^{12} г. Олин – отставной романтик, некогда известный журналист, газетчик, элегист, романист, драматург и пр. и пр.; г. Ободовский, известный переводчик и сочинитель разных лирических и драматических, больших и малых пьес – талант первостепенный и оригинальный; г. Сигов, некогда славный изданием альманахов, наполненных собственными его сочинениями, но теперь, к немалому огорчению российских муз, что-то замолчавший; г. Менцов, поэт даровитый и критик основательно тонкий; господа Степанов, Траум, Пожарский, Алексеев, Щеткин, Сушков, Кропоткин – поэты лирические, элегические, и все до одного – романтики; г. Федот Кузмичев, известный и знаменитый «автор природы», как он сам называет себя;^{13} г. Навроцкий, известный соперник Фонвизина

^{11} В 1835–1839 гг. А. В. Тимофеев публиковал свои произведения (в том числе и «мистерии») буквально в каждом номере «Библиотеки для чтения». О. И. Сенковский, редактор этого журнала, даже назвал его преемником Пушкина (см.: «Библиотека для чтения», 1837, т. XXI, отд. VI, с. 42). О популярности Тимофеева среди невзыскательных читателей свидетельствует пьеса Белинского «Пятидесятилетний дядюшка, или Странная болезнь» (1838).

^{12} Рецензию на это подражание Марлинскому см.: наст. изд., т 3, с. 448–451.

^{13} Писатель-самоучка Ф. С. Кузмичев, один из наиболее плодovitых поставщиков лубочной литературы, называл себя не «автором природы», а «сыном природы».

и кандидат в гении, как он сам провозгласил себя^[14]; г. Бахтурин, известный лирик и драматург, второй в России после г. Полевого; г. Струйский, он же и Трилунный, прославивший себя пьесами в восточном духе, каковы: «Смертаил», «Одинил», «Стихоплетоил» и другие «илы»;^[15] г. Б. Ф(Θ)едоров, автор разных азбук и нравоучительных книжек для детей, поэт с сильным воображением, хотя и с полубогатыми виршами, прозаик образцовый, хотя и не совсем твердый в синтаксисе и орфографии;^[16] ну и прочие, и прочие, и прочие – всех не перечтешь и на десяти страницах. А сколько издателей таких изданий, которые хотя только и наполняются, что моральными статьями и бранью против *толстых* журналов, в чаянии вызвать их на неприличный бой с собою и тем обратить на себя внимание публики, но которых тем не менее всё-таки никто не знает и не читает! Сколько сотрудников в этих неизвестных Изданиях и полуизданиях, которые с большим талантом и красноречием пишут об упадке

^[14] С. Н. Навроцкий, комедию которого «Новый недоросль» (точнее, ее первое действие) Белинский подверг жестокому разному в 1840 г. (см.: Белинский, АН СССР, т. IV, с. 334–336), отвечал критику «Литературным объяснением» («Северная пчела», 1840, № 245). В нем, между прочим, говорилось, что отзыв «Отечественных записок» «делает меня кандидатом в гении». Белинский же в полемических целях истолковал высказывание Навроцкого как неумеренное самовосхваление (см. также: Белинский, АН СССР, т. V, с. 86–89).

^[15] Критик иронически обыгрывает название стихотворения Д. Ю. Струйского (псевдоним – Трилунный) «Могучил» (1840).

^[16] О Б. М. Федорове см. примеч. 9 к рецензии на первый том «Русской беседы».

общественной нравственности и вкуса публики, основывая свое мнение на том, что общество и публика не хочет читать их нравственных сочинений, восхищаясь безнравственным Пушкиным и безнравственным Лермонтовым!^{17}

^{17} Критик имеет в виду журнал «Маяк», в котором объявлялся безнравственным «Герой нашего времени» (см.: «Маяк», 1840, ч. IV, гл. 4, с. 210–219).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания